

ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ И МИГРАНТОВ

МАТЕРИНСТВО В МИГРАЦИИ: СТРАТЕГИИ, ВЫБИРАЕМЫЕ ЖЕНЩИНАМИ-МИГРАНТКАМИ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

Е.Б. Деминцева

Екатерина Борисовна Деминцева | <https://orcid.org/0000-0001-6402-5010> | edemintseva@hse.ru | к. и. н., заведующая Центром качественных исследований социальной политики Института социальной политики; доцент факультета гуманитарных наук Школы философии и культурологии | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Покровский бульвар 11, Москва, 109028, Россия)

Ключевые слова

женщины-мигрантки, материнство, трудовая миграция, Средняя Азия, Россия

Аннотация

В статье анализируется миграционный опыт матерей, уезжающих на заработки из стран Средней Азии в Россию. На основании интервью рассматриваются ситуации, когда женщины вынуждены оставлять детей на попечение родственников на родине и когда они имеют возможность привозить детей в Россию. Делается вывод, что основными проблемами, препятствующими совместному проживанию с детьми в миграции, являются не только низкий заработок мигрантов и невозможность на первых порах снимать отдельное жилье в России, но и ограниченный доступ к социальным институтам, таким как детские сады или школы, запись ребенка в которые сопряжена с большими сложностями. При планировании жизни в другой стране с ребенком для женщины также важно, сможет ли она заботиться о нем при ненормированном графике работы и обеспечить для него безопасное пребывание в России.

Информация о финансовой поддержке

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

В последние годы исследователи пишут о смене гендерных ролей в семьях мигрантов в связи с длительным пребыванием женщин в других странах на заработках (Ryan 2007; Erel 2009; Baldassar, Merla 2014). Одни обращают внимание на то, что миграция дает женщинам возможность обрести экономическую независимость и повышает их социальный статус в семьях и странах происхождения (Castles, Miller 2003; Coyle 2007). Другие пишут, что миграция создает условия для разрыва нового образа жены и матери с тради-

---

Статья поступила 28.02.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 28.10.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Деминцева Е.Б. Материнство в миграции: стратегии, выбираемые женщинами-мигрантками из стран Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С.102–122. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010074> EDN: PMOKYN

Demintseva, E.B. 2023. Materinstvo v migratsii: strategii, vybiraemye zhenshchinami-migrantkami iz stran Srednei Azii [Motherhood in Migration: Strategies of Migrant Women from Central Asia]. *Этнографическое обозрение* 1: 102–122. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010074> EDN: PMOKYN

ционным пониманием роли женщины в отправляющих обществах (*Curran et al.* 2006; *Brettell* 2016). Часто мигрантке приходится оставлять ребенка (или нескольких детей) на родине с родственниками или знакомыми, жить с ним(и) на расстоянии. И, как следствие, женщина не может выполнять ту роль, которую отводит ей ее традиционное общество – матери, заботящейся дома о своих детях (*Brettell* 2016).

Чтобы приспособиться к жизни на две страны, женщины меняют модель взаимоотношений с детьми, заботясь о них на расстоянии (*Hondagneu-Sotelo, Avila* 1997). Исследователи используют понятие “транснациональное материнство”, понимая под ним следующее: “матери любой культуры, этнического и социального происхождения живут в разных странах со своими детьми-иждивенцами и поддерживают эмоциональные, экономические и коммуникативные связи через географические границы” (*Cervantes* 2016: 1). Женщины хотели бы быть вместе с детьми и, как правило, намерены через какое-то время воссоединиться с ними по одну или другую сторону границы. Но они не могут это сделать по экономическим, социальным и личным причинам.

Однако не всегда мать расстается с ребенком, она может привезти его с собой в другую страну, но и в этом случае ее роль в семье меняется. В миграции появляется проблема заботы о детях в условиях нехватки у женщины времени на семью в связи с ненормированным графиком работы (*Boyd* 1989; *Menjívar* 2000; *Barglowski, Pustulka* 2018). Исследователи обращают внимание на важную роль социального капитала в жизни мигранток, оказавшихся с детьми в другой стране. Многие женщины активно используют социальные сети и включены в сообщества земляков, так как иногда получают от них помощь в присмотре за ребенком, а также информацию о возможностях жизни с ним в миграции – по сути, им помогают быть матерью в новых условиях, рассказывают о действенных стратегиях при устройстве ребенка в школу, получении пособий и пр. (*Leah* 2022).

В процессе исследования, посвященного жизни трудовых мигрантов из стран Средней Азии в Москве и адаптации детей из семей мигрантов в школах России, я не раз общалась с женщинами-мигрантками. Несмотря на то что исследование не было связано с темой материнства, многие мои информантки, обсуждая во время беседы стратегии миграции и жизни в России, часто упоминали и свою роль матери как первостепенную, и заботу о детях в сложной ситуации нахождения вдали от них и от дома. Поэтому возникла идея написания статьи, в которой анализируется роль материнства при планировании отъезда из страны и жизни в миграции.

Миграция в Россию из стран Средней Азии за последние три десятилетия стала масштабным явлением, но до сих пор не было работ, посвященных стратегиям матерей в выборе заботы о детях в миграции – как при совместном, так и при отдельном (на расстоянии) проживании с ними. В начале 2010-х годов исследователи начали говорить о феминизации миграции из этого региона: об увеличении потока женщин и их доли на российском рынке труда (*Тюрюканова* 2011); анализировались причины миграции женщин из Средней Азии в Россию и адаптация к новым условиям жизни (*Бредникова, Ткач* 2010; *Ryazantsev et al.* 2014), трансформация гендерных отношений в среднеазиатских семьях под влиянием миграции (*Бредникова* 2003; *Поletaев* 2016; *Kholmatova* 2018). Значительный корпус академической литературы посвящен роли женщин-мигранток на рынке домашнего труда в России (*Ткач* 2009; *Варшавская* 2013; *Карачурина* 2015; *Kholmatova* 2018; *Rocheva, Varshaver* 2018). В целом

ряде публикаций акцентируется внимание на статусе женщины в миграции и ее уязвимости во взаимодействии с принимающим государством (FIDH 2016; *Rocheva, Varshaver* 2018; *Kosmarskaya, Savin* 2016). Есть работы, посвященные отдельным темам, таким как риски ВИЧ-инфекций в миграции у среднеазиатских женщин (*Агаджанян, Зотова* 2014) или же отношение к ним в родильных домах России (*Рочева* 2014). Во всех этих исследованиях показаны проблемы, с которыми сталкиваются мигрантки из стран Средней Азии в нашей стране, те барьеры, которые им приходится преодолевать в российском обществе.

Тема материнства в миграции до настоящего времени на материалах стран постсоветского пространства описывалась лишь в отдельных работах. Несколько статей А. Толстокоровой были посвящены женщинам, уехавшим из Украины на заработки в Италию. В них рассматривались влияние миграции на институт семьи (*Tolstokorova* 2010; *Толстокорова* 2013) и изменение гендерных ролей в транснациональных семьях (*Толстокорова* 2012). Автор приходит к заключению, что эта трансформация затрагивает преимущественно матерей. Работы Е. Борисовой посвящены транснациональным семьям в Таджикистане и роли матери, уехавшей в миграцию (см., напр.: *Борисова* 2016). Автор делает вывод, что женщины сохраняют свои обязанности по воспитанию детей и осуществляют их с помощью современных средств коммуникации.

Эта статья описывает опыт матерей, приехавших из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана и на момент интервью пребывающих в России с детьми или без них. Я анализирую практики проживания в России среднеазиатских женщин и основные причины выбора ими той или иной стратегии в отношении детей. В статье я покажу, как мигрантки обосновывают те решения, которые они принимают, заботясь о своих детях, в зависимости от обстоятельств: миграционного статуса, семейного положения, рабочего графика, возможности съема жилья, интеграции детей в российскую систему образования и др.

В статье я использую материалы исследований 2014–2021 гг., так как они иллюстрируют то, с чем приходится сталкиваться женщине-мигрантке из Средней Азии в России в последнее десятилетие: социальная несправедливость, сложности с легализацией на рынке труда, дискриминация (начиная от поиска жилья и заканчивая произволом полиции). Все эти факторы также влияют на принятие решения женщиной: жить с детьми в миграции или заботиться о них на расстоянии.

Методология исследования

Выводы, сделанные в настоящей статье, основаны на анализе 35 интервью, взятых мной из сформированных в разные периоды разных баз данных: 11 интервью были проведены в Москве в 2013 и 2014 гг., по четыре – в Томске и Иркутске в 2018 и 2019 гг. Все три проекта были направлены на понимание того, как мигранты из стран Средней Азии живут в городах России: каким образом находят работу, жилье, выстраивают свои социальные связи. Кроме того, 16 интервью были выбраны из базы данных исследования, которое было направлено на изучение интеграции детей мигрантов в школах. Эти интервью были взяты в Москве, Подмосковье, Томске и Иркутске. Основной темой в разговорах с женщинами из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана была адаптация их детей в школе и взаимоотношения с учителями. Во многих интервью женщины говорили не только об этом, но и о своей жизни и работе в России.

Все мигрантки, с которыми проводились интервью, были матерями. У девяти

из них дети остались с родственниками на родине, у пяти – дети были разделены (один/два ребенка жили с матерями в России, остальные – с родными в стране исхода), у 21 – дети жили с ними в миграции. Большинство женщин на момент интервью были замужем (N=28), но среди них были и вдовы (N=3), и разведенные женщины (N=4)¹. Среди используемых мной интервью два взято у женщин, чьи дети уже достигли совершеннолетия, но информантки рассказали о своем опыте материнства в миграции в предыдущие годы.

У выборки есть свои ограничения: в моем случае большинство интервью были проведены с женщинами, дети которых живут с ними в миграции и учатся в российских школах, что обусловлено методологией одного из исследований, базой которого я пользуюсь. В целом же большинство женщин из стран Средней Азии приезжает на заработки без детей (*Demintseva 2020*). Но на анализ, который я делаю в данной статье, эта выборка не влияет, так как я хочу показать возможные сценарии, которые осуществляют матери в миграции в отношении заботы о своих детях. И для такого подхода выборка репрезентативна и позволяет увидеть различные стратегии, выбираемые мигрантками.

Возраст информанток от 24 до 54 лет. Все они хотя бы раз во время беседы упоминают опыт материнства и заботы о детях в миграции. Часть интервью были зафиксированы на диктофон (именно эти тексты я цитирую в статье), часть описаны мной в дневнике наблюдений (их я использую при изложении своими словами ситуаций, рассказанных женщинами).

Теоретическая рамка

Я выстраиваю свое исследование вокруг двух концептов: “транснациональное материнство” и “транснациональная семья”. “Транснациональное материнство” обозначает явление, при котором матери вынуждены оставлять своих детей в стране своего происхождения, чтобы иметь возможность работать в принимающей стране (*Hondagneu-Sotelo, Avila 1997*). В работах, основанных на этом концепте, анализируются отношения между матерями-мигрантками и их детьми, оставшимися на родине. Исследователи пишут об изменениях гендерных норм, существующих в отправляющем обществе. Женщины, уезжающие на заработки, нарушают традиционные представления о роли жены и матери в семье, принятые в их социуме (*Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Dreby 2006; Gamburd 2008*). Муж перестает быть единственным кормильцем, а жена больше не выполняет единственную функцию домохозяйки, которая заботится о муже и детях. Авторы этих работ отмечают, что семьи, в которых есть матери-мигрантки, часто сталкиваются с социальной стигмой у себя на родине.

Также в исследованиях обсуждаются новые практики взаимодействия матери и ребенка на расстоянии, когда ребенок остается на родине, а мать уезжает в другую страну на заработки. Так, в 1997 г. журнал *Gender & Society* опубликовал статью о латиноамериканских женщинах, работающих нянями и уборщицами в Лос-Анджелесе, в которой говорится, что знания, полученные в американских семьях, помогают мигранткам построить новые отношения со своим ребенком, оставшимся на родине (*Hondagneu-Sotelo, Avila 1997*). Исследование, анализирующее изменение роли шриланкийских женщин, отправляющихся на работу горничными на Ближний Восток, показывает важную роль расширенных семей и “новых матерей” (как правило, близких родственниц), на чьем попечении остаются дети (*Gamburd 2008*). Это и другие исследования часто развенчивают существующие в публичном дискурсе мифы о брошенных детях, подвергаю-

щихся рискам дома без матери (*Olwig 2012; Åkesson et al. 2012*). На примере миграции из Кабо-Верде в Европу и Северную Америку Л. Окессон с соавторами показывает, что длительное отсутствие матери создает новые нормы в семье в условиях транснациональной жизни, а “временная” и биологическая матери играют взаимодополняющие роли (*Åkesson et al. 2012*).

Одновременно с появлением исследований, посвященных транснациональному материнству, был разработан концепт “транснациональная семья” (*Bryceson, Vuorela 2002*). Транснациональные семьи определяются как семейные группы, члены которых некоторое время или большую часть времени живут отдельно друг от друга, но сохраняют «чувство коллективного благополучия и единства, короче говоря “семейственности”, даже за пределами национальных границ» (*Bryceson, Vuorela 2002: 18*). Сегодня этот концепт позволяет шире взглянуть на тему материнства в миграции, изначально же он включал в себя понятие “транснациональное материнство”, поскольку исследования транснациональных семей были сосредоточены на анализе транснациональных отношений между членами одной семьи (*Parreñas 2001; Dreby 2006*). Однако с 2010-х годов в социальных науках все чаще стали рассматривать детей как активных агентов транснациональных семейных практик (*Mazzucato, Schans 2011*), отказались от дуальности в исследованиях, а транснациональные семьи стали анализироваться как живущие в постоянном состоянии соприсутствия (*Sørensen, Vammen 2014*). Новый взгляд на транснациональные семьи позволяет говорить о непрерывном движении семьи, изменении локации разных ее членов и в связи с этим о новых формах взаимоотношений между ними. Этот концепт подходит для анализа ситуаций приезда детей мигрантов к своим матерям и возможного отъезда впоследствии. Как я покажу ниже, сложно говорить о какой-то определенной модели для каждой семьи, поскольку транснациональные практики меняются в зависимости от правового статуса ее членов, социально-экономической категории, к которой они относятся, и, в частности, от длительности проживания в стране (*Ducu 2018*).

В данной статье оба концепта дополняют друг друга. Через “транснациональную семью” можно увидеть меняющиеся практики и стратегии матерей-мигранток в зависимости от целого ряда факторов: социального и правового статусов в стране, семейных отношений и дискриминационных практик в отношении определенных этнических групп. Тогда как через “транснациональное материнство” можно проанализировать опыт заботы женщин-мигранток о детях. Находясь за тысячи километров от своих детей, женщины не снимают с себя обязанности по уходу за ними, переделывая практики материнства, обменивая свое физическое присутствие и заботу на их материальное благополучие (*Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Parreñas 2005*).

Миграционные стратегии женщин с детьми

Женщина, имеющая детей, уже на стадии планирования отъезда в другую страну должна определить для себя, останутся ли дети на родине или поедут с ней. Основной вопрос для матери: кто будет заботиться о детях, пока она будет на заработках? Будут ли дети под опекой близких в нескольких тысячах километрах от нее, или же она сможет заботиться о них в миграции? В интервью матери говорят о том, что в первые годы жизни в России большинство из них оставляли детей на родине. Как правило, женщина договаривалась со своими родителями, с родителями мужа или же со своими семейными братьями либо

сестрами, что те будут заботиться во время ее отъезда о детях. Многие говорили об этом решении как сложном для них. Большинство моих информанток до отъезда были домохозяйками, постоянно проводящими время дома с детьми. Те же, кто работал, не расставались с детьми надолго. Для большинства матерей, уезжавших впервые в миграцию, это было первое долгое расставание с ребенком.

Все собеседницы, рассказывая о решении оставить дома ребенка, подчеркивали, что знали до отъезда, в каких условиях они будут жить в России. Большинство уезжало к мужьям, родственникам или близким знакомым, которые помогали им с работой. Многие понимали, что первое время они будут ночевать с несколькими людьми в одной комнате, а некоторые даже не имели представления о том, кто будет их соседями. Женщины знали от своих соотечественниц, работавших в России, о ненормированном графике работы и сложностях с легализацией, поэтому они принимали решение оставить хотя бы на первое время детей на родине, будучи уверены, что им будет лучше в привычной среде под присмотром родственников.

Варианты, кому доверить детей на родине, могут быть разными. Многие женщины старались оставить детей со своей матерью или своими родителями. “Сестра предложила поехать, денег заработать. Папа как раз только умер, мы с мамой и тремя детьми остались. Надо было их кормить. Мы с мамой решили, что я уеду, буду зарабатывать деньги и кормить семью” (Женщина из Узбекистана, трое детей, с мужем в разводе). По признанию некоторых информанток, оставляя детей со своей матерью, они были уверены, что пересылаемые деньги будут потрачены только на их содержание. Кроме того, со своей матерью проще быть в постоянном контакте, следить за тем, что происходит дома. “Я постоянно с мамой на связи. WhatsApp чаще всего. Я утром поговорю с ней, потом узнаю, как дети из школы вернулись. Я знаю, где они, куда пошли, что ели” (Женщина из Кыргызстана, двое детей, вдова).

Некоторые женщины, работая в России, могли обеспечить достойное проживание на родине не только детям, но и своим пожилым родителям.

Я оставила дочку маме. Посылала ей сначала немного денег, но отдавала большую часть заработанного мужу и свекрови. Потому что там была моя семья (она жила после замужества и до отъезда в Россию в семье мужа. – *Е.Д.*). Но я была рада, что дочка с мамой получают от меня немного денег, я знала, что они не голодали. Когда муж умер, оказалось, что у меня денег больше нет. То, что я отдавала свекрови, все пропало куда-то. Я теперь деньги трачу только на маму и дочку. Я знаю, куда идут деньги. На ремонт дома, на образование. Она английским занимается на курсах. Очень жалею, что давала деньги свекрови, я бы много скопила за эти годы (Женщина из Кыргызстана, уезжала с мужем, потом овдовела, один ребенок).

В других случаях более доверительные отношения складывались со свекровью, как, например, у моей информантки из Узбекистана, которая выражала надежду, что родители мужа смогут безбедно жить на родине с ее детьми, так как своим заработком они с супругом обеспечивают им достойное существование. Таким образом, для многих женщин забота о детях перекликается с заботой об оставленных дома родителях. Мои собеседницы, высылая деньги на содержание детей, не забывали и о том, что оставили их на своих родителей, у которых небольшая пенсия, а эти деньги позволяют хорошо питаться всей семье, в которой живут их дети.

В том случае, если женщина замужем, решение о том, с кем остаются дети, принимается и семьей мужа.

- Муж заболел, денег совсем не стало. Я спросила сестру, можно ли поехать с ней в Москву. Она сказала, что найдет работу.
- Вы детей с кем оставили?
- Дочку со свекровью. А сына у матери.
- Почему?
- Свекрови тяжело с двумя было бы. А сына мы потом забрали. Дочка привыкла за несколько лет к свекрови и не хочет уезжать. Нас почти не знает (Женщина из Кыргызстана, замужем, двое детей).

Такой вариант, когда дети “делятся” между родственниками, нередкий: одних могут оставить с одной бабушкой, других – с другой или с какими-то еще близкими родственниками. Женщины указывали на то, что с каждой стороной отдельно велись переговоры: сколько будет высылаться денег на содержание ребенка, какие будут условия его проживания.

Иногда мигрантки приезжают в Россию с детьми. Как правило, это происходит в том случае, если муж долгое время был здесь на заработках, получал стабильный доход и мог снять комнату для семьи до ее приезда.

Первый раз, когда я приехала в миграцию, было все просто. Муж снял комнату к нашему приезду, мы с дочкой и мужем жили в ней. Потом я развелась с мужем и вернулась с дочкой в Ош. Через несколько лет я опять решила уехать в Россию, но оставила младшую дочь (которая родилась уже на родине от другого брака. – *Е.Д.*) с семьей старшей сестры. Одна я не могу снять комнату для меня и дочки. Поэтому она осталась там (Женщина из Кыргызстана, была замужем, развелась, повторно вышла замуж, двое детей).

Именно условия жизни, в которых оказываются мигранты в принимающей стране, являются главным аргументом в пользу того, что матери на этапе отъезда расстаются с ребенком и доверяют его своим близким. Не имея опыта проживания в России, не сталкиваясь лично с проблемами, женщина принимает такое решение исходя из опыта других мигрантов и их представлений о пребывании в чужой стране. Бывают ситуации, когда не остается ничего другого, кроме как привезти ребенка с собой, даже если условия не позволяют. Но в известных мне кейсах такие решения принимались только из-за непредвиденных обстоятельств, таких как смерть или болезнь родственника, на которого оставили ребенка.

Я привезла дочку в январе (в Москву. – *Е.Д.*), потому что умерла моя мама. Это произошло неожиданно, мы не планировали, что она будет здесь с нами (женщина с мужем. – *Е.Д.*). Мы живем с братом и его женой в комнате. Все работают. Она одна почти весь день. Иногда у нас ночные смены, и мы днем дома. Но чаще мы спим (Женщина из Узбекистана, замужем, один ребенок).

Еще одна информантка из Кыргызстана перед отъездом оставила одного из двоих детей с матерью, а другого со свекровью. Когда мать умерла, свекровь отказалась брать на себя еще одного ребенка, и супруги вынуждены были забрать девочку в Москву. Это было начало 2010-х годов, тогда многие мигранты жили в подвалах домов. Девочка целые дни проводила в подвале, так как для мигрантов мест в детском саду не было и, по словам матери, смотрела целыми днями телевизор. Когда девочке исполнилось семь лет, ее смогли записать в школу, и часть дня она проводила там.

Выбирая миграционную стратегию, матери еще на стадии отъезда стараются решить проблему заботы о детях. Большинство останавливается на расставании с детьми – мигрантки знают о тех условиях, в которых будут жить и рабо-

тать. Понимая, что это оптимальное решение, практически все они надеются, что через какое-то время смогут привезти детей в Россию или сами вернуться домой. Дальнейшие практики заботы о детях зависят от целого ряда личных, экономических и социальных факторов.

Забота о детях в иммиграции

Айперим², приехавшая с мужем 12 лет назад в Москву, знала об условиях жизни в России для трудовых мигрантов и планировала, что первое время они будут жить без дочки. Через год супруги смогли накопить денег на отдельную комнату в квартире, которую снимали с другими мигрантами на окраине города, и привезли ребенка и мать Айперим. Предполагалось, что девочка будет проводить время с бабушкой, пока родители работают. Через полгода после воссоединения семьи в Москве у мужа Айперим возникли проблемы с документами, и ему пришлось срочно вернуться в Кыргызстан. Айперим, хотя очень хотела быть рядом с дочерью, была вынуждена отправить девочку с бабушкой домой, так как без заработка мужа уже не могла позволить себе снимать отдельную комнату. Уехать вместе с ними она тоже не могла, поскольку семья расплачивалась с долгами в Кыргызстане и ее заработок был жизненно важен.

Похожая ситуация возникла и у Нургул. Приехав в Томск к мужу, женщина через какое-то время родила ребенка и собиралась жить с семьей в России. Несколько месяцев она кормила ребенка и не могла работать. Быстро выяснилось, что заработка мужа не хватает, чтобы снимать отдельную комнату для троих. Тогда Нургул вернулась в Кыргызстан, провела там несколько месяцев с младенцем и вернулась в Россию уже без сына. Ей пришлось оставить ребенка на родине, так как им с мужем надо было зарабатывать деньги, а возможности отдать сына в ясли или же оставлять на день с няней у них не было. Через четыре года Нургул удалось привезти мальчика обратно, поскольку она, муж и сын получили российское гражданство и смогли оформить ребенка в детский сад.

И Айперим, и Нургул были вынуждены на время расстаться с детьми, так как если один из родителей не мог по каким-то причинам работать, тут же возникали финансовые проблемы и, как следствие, не было возможности снимать отдельное жилье. Даже если оба родителя (или мать) легализовываются в стране, из-за отсутствия программ предоставления социального жилья мигрантам им приходится рассчитывать только на собственные силы и связи, они снимают комнаты по цене рынка, у них нет никаких льгот.

Из примеров этих двух женщин видно, что основной проблемой для совместного проживания с детьми, наряду с низким заработком мигрантов и невозможностью на первых порах жизни в России снимать отдельное жилье, является ограниченный доступ к социальным институтам. Даже если родители могут позволить себе оплачивать отдельную комнату, возникает вопрос заботы о ребенке в условиях миграции. Так, они не могут записать ребенка в детский сад, что связано с лимитом мест и необязательным дошкольным образованием в России.

В первом случае (Айперим) девочку планировали оставлять с бабушкой, так как мигрантам обычно отказывают в местах в детских садах из-за их переполненности. До 6-7 лет, т.е. до поступления в школу, ребенок может оставаться либо с родственниками (а привезти их не всегда получается), либо с няней – но, как правило, денег на няню или частный детский сад у мигрантов нет.

Здесь для местных (россиян. – *Е.Д.*) детских садов мало, а приезжих тем более не берут. Я бы с удовольствием отдала детей. У меня два годика сыну и дочке четыре года. Дочка очень активный ребенок. Я ходила (в детский сад. – *Е.Д.*), разговаривала. Мне сказали: “Приезжих мы не принимаем”. Из-за этого мы дома (Женщина из Узбекистана, замужем, четверо детей).

Во втором случае (Нургул) женщина вынуждена была вернуться с ребенком в Кыргызстан и оставить его со своей мамой. Эта ситуация довольно распространена у молодых родителей-мигрантов. Если женщина может работать практически до родов, то после рождения ребенка она должна заботиться о младенце. Даже если родителям удалось снять отдельную комнату, то, как отмечали многие информантки, через несколько месяцев после родов начинаются финансовые сложности, так как зарабатывает один муж, а с рождением ребенка расходы увеличиваются. И женщина принимает решение хотя бы на время отдать ребенка своим родителям, которые остались на родине. В двух интервью мне встретился и другой вариант: за маленьким ребенком присматривала старшая дочь. Обе женщины привезли с родины девочек-подростков, оставленных несколько лет назад с родственниками, и поручили им заботу о младенцах. Девочки 12 и 14 лет не ходили в школу и проводили целый день дома³.

Женщины, которые хотят жить в России с детьми, стараются планировать свои шаги так, чтобы привезти ребенка в страну к первому классу (*Омельченко 2018*). Поскольку школьное образование по закону должно быть доступно для всех детей, они надеются, что смогут записать ребенка в школу и тем самым обеспечить хотя бы на часть дня присмотр за ним. Однако многие встречаются с барьерами на этом пути: необходима регистрация в районе, относящемся к школе, а регистрацию приезжие могут только купить (*Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017; Malakhov, Simon 2018*). Кроме того, некоторые школы под разными предлогами отказывают в зачислении детей мигрантов (*Demintseva 2020*). “Я не привожу сюда сына, потому что я не уверена, что его возьмут в школу. У моих соседей по квартире (кыргызов. – *Е.Д.*) есть российское гражданство, их детей приняли в школу. Но у других нет, они не смогли записать ребенка в школу, и мальчик год сидел дома. Потом отвезли его на родину” (Женщина из Кыргызстана, вдова, мать двоих детей). Поскольку мигрантам сложно противостоять государственным институтам, многие не пытаются узнать все правила и законы, а иногда просто боятся идти наперекор “людям от власти”, и некоторые дети просто не ходят в школу.

О проблемах зачисления детей в школу рассказывали многие женщины. Еще несколько лет назад запись осуществлялась непосредственно в учебных заведениях, поэтому зачастую мигранты сталкивались с тем, что директора школ отказывали им, ссылаясь на нехватку мест. Сейчас заявление о приеме ребенка в образовательное учреждение можно подать в электронном виде, но проблема остается. В лучших школах города, как правило, все места оказываются заняты практически сразу после открытия записи. Мигранты, по свидетельству директоров школ, чаще всего оформляют детей перед учебным годом (*Demintseva 2020*). Это связано с тем, что регистрацию в целях экономии приобретают в последних числах августа и в эти же сроки обычно привозят ребенка. Таким образом, чаще всего дети попадают в школы, в которых остались места. И, как правило, это школы с низким рейтингом.

Кроме того, значимую роль играет социальный статус мигранта. Исследователи, изучавшие отношение москвичей к выходцам из стран Средней Азии, пишут, что наши СМИ формируют образ некоего усредненного, со “своей куль-

турой” и без знания языка, “несущего угрозу российскому обществу” мигранта (Зайончковская и др. 2014). Несмотря на то что некоторые мои информантки имели высшее или специальное техническое образование, в миграции они работали в основном уборщицами. Многие высокорейтинговые школы стараются не брать детей из Средней Азии, так как администрация предполагает, что они встретятся с проблемами адаптации в связи с происхождением и низким социальным статусом родителей (Demintseva 2020). Одну из информанток, при попытке оформить ребенка в школу в Москве, уверили, что иностранец не имеет права учиться в России. После этого она не пыталась записать сына в школу, и мальчик несколько месяцев провел дома, а потом его отвезли обратно на родину.

Стратегии матерей часто зависят от возможности (или невозможности) включения детей в государственную образовательную структуру. Женщины, привозящие детей, часто надеются на поддержку соотечественников: как показали интервью, большую часть информации они узнают не из официальных источников, а от родственников, знакомых, из групп своих земляков в социальных сетях, в которых обсуждаются в том числе и вопросы заботы о детях. Одна из женщин, у которых я брала интервью, попросила о помощи своего родственника – его дети уже учились в одной из школ Иркутска, и было известно, что там готовы закрыть глаза на какие-то документы и принять ученика-мигранта. Но такая информация о “записывающих к себе детей мигрантов школах” есть не у всех, поэтому многие не решаются привезти ребенка, так как боятся, что в России не смогут не только обеспечить ему уход, но и дать образование.

При отсутствии поддержки государства и ограниченных доходах часть женщин, даже если не хочет расставаться с ребенком, отказывается от идеи забрать его в Россию. Пожалуй, самым важным в этой ситуации для матери становится поиск возможностей обеспечить ребенку те внимание и заботу, которые он получал от нее на родине. Из 35 женщин, интервью с которыми я использую, только одна не работала и проводила время с детьми. Это было связано с длительным пребыванием семьи в России и достаточными для содержания семьи заработками мужа, который был предпринимателем и занимался частным строительством. У всех 34 работающих информанток были ненормированный график, ночные смены, один выходной в неделю и пр. Все женщины понимали, что с таким режимом жизни и работы они не могут заботиться о детях так, как, по их мнению, это необходимо.

“Ему лучше там, я могу дать ему больше”

Гуля вдова, много лет она работает в Москве уборщицей. Кроме основной работы у нее есть подработка: в выходные дни она занимается частной уборкой. Ее дочь и сын живут с бабушкой (мамой Гули) в небольшом селе в Ошской области. Оба ходят в школу. Девочка любит английский, а мальчик почти каждый день посещает разные кружки, и Гуля оплачивает языковые курсы дочери и занятия сына. “Я не смогла бы дать все это своим детям здесь. Там они посещают дополнительные занятия, моя мама всегда рядом с ними. Они всегда под присмотром. Здесь я работаю каждый день, что бы делал после школы мой сын в Москве?”

Чинара и ее муж много лет работают в Москве. Их дети живут у сестры Чинары в небольшом городе в Узбекистане. У сестры своих трое детей. “Дочка хорошо учится. Сын сейчас в десятом классе, он второй год занимается с

репетитором английским языком. У него мечта в дальнейшем куда-то за границу поехать учиться”, – рассказывает Чинара. Она считает, что ее дети находятся в более выгодном положении, оставшись на родине, нежели если бы они жили в Москве. Еще до отъезда женщина обговорила с сестрой, сколько денег она будет высылать на еду для детей и на их дополнительное образование, в том числе на репетиторов. Благодаря деньгам, заработанным в миграции, Чинара может обеспечить своим детям условия для качественного обучения дома, в привычной для них среде.

Многие матери, оставившие сыновей/дочерей дома, говорили, что доходы, полученные в России, помогают им дать детям лучшее образование, чем то, которое получают их сверстники на родине. Одна из информанток рассказала, что записала сына в частную турецкую школу в Кыргызстане и надеется, что он продолжит образование в Турции. Другая – о том, что смогла выбрать для своего ребенка лучшую школу в городе и оплачивает дополнительные занятия. Как правило, расходы на эти кружки контролируют родственники, с которыми дети остались дома.

При этом все эти матери знают, что в России образование качественнее, чем в их странах (особенно в небольших городах и деревнях, откуда родом большинство моих информанток). Но у них есть два аргумента в пользу того, что при выборе школы все же стоит склоняться к образовательному учреждению на родине. Во-первых, по опыту их знакомых, детей мигрантов в России берут не во все школы, как правило, они попадают в учебные заведения с самыми низкими рейтингами – об этом говорили мамы, и это подтверждают наши исследования (Demintseva 2020). Поэтому в разговорах упоминалось, что лучше отдать ребенка в лучшую школу на родине, чем в худшую в России. Во-вторых, для женщин был важен вопрос отношения к их детям в образовательном учреждении. В интервью матери школьников говорили об иногда предвзятом отношении некоторых учителей к детям мигрантов. Так, мама четверых детей, родом из Самарканда, рассказала, что ей пришлось перевести сына в другой класс из-за постоянных претензий учительницы. А другая мама упомянула о том, что в старшей школе одна из учительниц постоянно поддевала ее дочь, указывая на ее происхождение. Многие родители детей мигрантов знают о подобных ситуациях, хотя в интервью предпочитают не говорить об этом. С некоторыми информантками после нескольких встреч у меня установились доверительные отношения, и они рассказывали о случаях дискриминации детей. Поэтому опасение, что их ребенок может столкнуться с травлей на этнической почве, выступает еще одним аргументом в пользу того, чтобы оставить его на родине.

Кроме страха перед школой, у матерей есть страх перед государством в целом. Это связано с тем, что люди боятся не понять закон или нарушить его случайно. Многие имеют опыт задержания полицией и проверки документов прямо на улице, и, как говорили информантки, они никогда не знали, чем все это закончится, даже если были все необходимые “бумаги”. Так, женщина из Кыргызстана рассказывала, что сняла с дочкой и мамой комнату по объявлению. В другой комнате жили тоже мигранты – женщина из Таджикистана со взрослыми сыновьями. Однажды одного из сыновей соседки задержала полиция. Стали выяснять, где он живет, и юноша вынужден был показать квартиру. Как и у большинства мигрантов, которые арендуют жилье, регистрации по месту проживания ни у кого в этой квартире не было. У моей информантки была купленная регистрация. Полиция вызвала хозяина и потребовала всех

выгнать. Моя знакомая была вынуждена на следующей день собрать вещи и уйти из квартиры. Быстро найти отдельную недорогую комнату сложно, поэтому она смогла арендовать только койко-место.

В той квартире было три комнаты. В одной была я с мамой и дочкой и семейная пара. В двух других и мужчины, и женщины. Я очень беспокоилась, когда уходила на работу, как там дочка. Я не знала никого в квартире, боялась за нее. Через несколько недель я скопила денег на билет и отправила их домой (в Кыргызстан. – *Е.Д.*) (Женщина из Кыргызстана, на момент интервью вдова, мать одного ребенка).

Вопросы безопасности детей одни из приоритетных для матерей при выборе стратегии заботы о них. Если говорить об этом аспекте, то необходимо отметить, что приезд в Россию сопряжен для женщин с несколькими большими проблемами. Первая – безопасность ребенка в съемном жилье. Как уже говорилось, мигранты чаще всего привозят детей, если могут арендовать отдельную комнату для семьи. Кроме того, многие отмечали, что они либо делят квартиру со знакомыми, либо выбирают “безопасное соседство”.

– Я живу с дочкой и сестрой. В квартире с двоюродным братом. Но нашу квартиру должны продать хозяева, и я ищу комнату.

– Как Вы ищете?

– В наших кыргызских группах. Там можно найти. Но я ищу, чтобы в других комнатах тоже были женщины. Моей дочке 16 лет, я боюсь за нее. Нельзя жить в квартире с молодыми парнями. Я нашла комнату на Планерной, в другой девушки живут. Говорят одни. Но там парни были, к ним приходят. Мне это не нравится. Поэтому еще ищу (Женщина из Кыргызстана, в разводе, двое детей, дочь живет с мамой).

В результате женщина смогла найти комнату в двухкомнатной квартире, где соседками были женщины 40–50 лет, которые, по признанию информантки, не искали встреч с мужчинами. Поэтому она была спокойна за безопасность своей дочери.

Многие женщины боятся, что в миграции, в условиях проживания в многонаселенной квартире с незнакомыми соседями, с ребенком может произойти все, что угодно, вплоть до физического насилия. Мои информантки с такими случаями не сталкивались, или же они о них не рассказывали, но в своих историях отмечали, что хотят жить со знакомыми людьми или договариваются с родственниками о съеме квартиры, чтобы ребенок жил в безопасном месте. Мамы предпочитают подождать с приездом детей, если они не могут обеспечить безопасное жилье.

Вторая проблема – безопасность на улице. Здесь уже звучала тема отношения к детям мигрантов, которые внешне отличаются от большинства населения. “Я говорю сыну – ты не уходи из двора. Тебя остановят (полиция. – *Е.Д.*), попросят документы. Меня вызовут или папу, будут документы все проверять. У меня все документы есть, но все равно что-нибудь найдут”, – делится женщина из Узбекистана. Информантка из Кыргызстана рассказывает, что не пускает свою 16-летнюю дочь по вечерам гулять, так как боится, что ее также остановит полиция и придется вызволять ее из отделения. Матери, особенно подростков, испытывают страх не столько перед тем, что с их детьми может что-то случиться, когда они гуляют с друзьями, сколько перед властью в лице полиции, от которой ждут проверки документов и возможных последствий.

Третья проблема – безопасность в новом обществе, в котором у ребенка появляется большая свобода, нежели на родине. Эта тема много раз обсуждалась не только с матерями, но и с детьми мигрантов, достигшими 16-летнего воз-

раста. Дети не приводят друзей домой, так как нет условий для приема гостей. Родители боятся новой компании, которая для них часто остается неизвестной. Они не знают родителей друзей своих детей – в большом городе нет круга знакомых (многие происходят из небольших селений или же городов, где зачастую семьи друг с другом знакомы). Поэтому некоторые матери предпочитают оставлять ребенка на родине, так как он продолжает жить в привычной среде.

Все эти аргументы в пользу безопасности детей, остающихся на родине, приводились информантками в разговорах со мной. Даже если у женщины появляется возможность привезти ребенка в Россию, она не всегда это делает, считая, что дома ему будет лучше. Есть те сферы жизни, которые мать не может контролировать, такие, например, как отношение к ребенку принимающего общества или же его безопасность. Имея опыт жизни в России, сталкиваясь иногда с проявлениями агрессии или ксенофобии в отношении самих себя, женщины не хотят, чтобы такой опыт приобретал их ребенок.

* * *

Как показывает исследование, матери-мигрантки из стран Средней Азии повторяют основные миграционные стратегии, которые мы видели, например, у матерей из стран Латинской Америки в США (*Hondagneu-Sotelo, Avila* 1997) или из Восточной Европы в Великобритании и Германии (*Barglowski, Pustulka* 2018). Женщина постоянно находится в поисках оптимального решения: как совместить материнство с жизнью в миграции. Как и большинство женщин, уезжающих на заработки, имеющих ненормированный рабочий день и тяжелые условия проживания в другой стране, женщины из Средней Азии предпочитают хотя бы в первые годы миграции оставлять детей на родине. Непростое решение о работе в другой стране и последующие переговоры с родственниками лежат в основе выбора миграционной стратегии на начальном этапе. Во время подготовки к отъезду для женщины остается самым главным вопросом заботы о детях и, следовательно, доверия к тем людям, с которыми она их оставляет. Для матерей важно, что они обеспечивают финансовую поддержку и своих пожилых родственников, на чьем попечении будут дети.

Транснациональное материнство, предполагающее заботу о детях на расстоянии, является одной из наиболее часто встречающихся стратегий женщин из Средней Азии в первые годы жизни в России. Существующие недорогие средства коммуникации, такие как, например, WhatsApp, облегчают постоянное общение детей и родителей, в том числе эмоциональное. Как правило, матери в течение дня контролируют детей, находясь на связи с ними и их опекунами.

Как показало исследование, женщины выстраивают новые практики взаимоотношений с детьми на расстоянии. Эти практики похожи на те, которые мы отмечали в работах коллег из других стран о транснациональном материнстве (*Gamburd* 2008; *Olwig* 2012; *Åkesson et al.* 2012). Как правило, тот, кто остается на родине с ребенком, является посредником взаимодействия матери и ребенка. Выстраивается своего рода треугольник, в котором у каждого появляются свои роли, в том числе и у “новой матери”. Транснациональное материнство предполагает постоянное приспособление к существующим обстоятельствам. Так, женщина может оставить детей с несколькими опекунами на родине, если не найдет одного, готового заботиться обо всех сразу.

Вторая стратегия, которую выбирают матери, – совместное проживание в миграции с ребенком или с несколькими детьми. Здесь стоит выделить два мо-

тива, по которым женщина идет на такой шаг. В первом случае это тщательно продуманные действия (заранее выбираются жилье, место учебы ребенка, собираются все необходимые документы для легализации в России), за которыми стоит осознание перспектив для себя и своего ребенка в стране пребывания. Обычно переезд осуществляется через несколько лет жизни женщины (или мужа и жены) в России. Но бывают моменты, когда выбранная стратегия может поменяться в одночасье, например, в связи с болезнью или смертью родственника, с которым жил ребенок на родине, и тогда мать вынуждена забирать его к себе. Это второй случай – вынужденное совместное проживание с детьми. Как правило, при таком внезапном переезде все вопросы, связанные с организацией пребывания детей в России, решаются в экстренном режиме. Интервью показывают, что обычно у женщины нет возможности быстро наладить жизнь ребенка и заботу о нем в иммиграции.

Даже если мать решила (планируя это заранее или нет) привезти одного или нескольких детей в Россию, в связи с различными обстоятельствами это решение не может быть окончательным. Прежде всего в силу “документированной неопределенности” (*documentary uncertainty*), когда женщина, даже имея на руках все необходимые документы для жизни и работы, не может быть уверена в том, что она и ее близкие не пострадают из-за проблем “с бумагами” (Reeves 2015). Так, мигрантам в России сложно добиться от собственников квартир предоставления регистрации по месту жительства, поэтому чаще всего они покупают регистрацию (Malakhov, Simon 2018) – а это документ необходимый и для жизни в нашей стране, и для оформления детей в школу. Мигрант никогда не знает, закроет полиция при проверке документов глаза на это или же нет, может возникнуть ситуация, при которой документ будет признан поддельным (напр., полиция попросит показать место проживания мигранта) (Reeves 2015). Ситуация может повториться при приеме детей в школу. Мигрант, приходя записывать ребенка, никогда не знает, примет ли администрация образовательного учреждения документ о регистрации или же заявит, что он сделан не по той форме, попросит показать место проживания ребенка либо найдет другие причины для отказа.

Для матери-мигрантки вопрос привозить детей в Россию или нет связан не только с экономическими и социальными трудностями, но и с пониманием того, что ее ребенок будет “видим” в российском обществе и может столкнуться с ксенофобией. Опыт самих женщин, прошедших через бытовой расизм, слышавших некрасивые высказывания в свой адрес в публичных местах или же знающих от соотечественников о каких-то примерах негативного отношения к детям из стран Средней Азии, заставляет их на эмоциональном уровне думать о благополучии своих детей. Иногда, даже имея возможности привезти ребенка/детей, мигрантки из-за таких опасений оставляют его/их на родине. Если женщина понимает, что она не может решить самостоятельно или совместно с мужем эмоциональные проблемы и проблемы безопасности, она предпочитает жить с ребенком на расстоянии, обеспечивая ему заботу и защищенность при участии близких родственников.

В ситуации миграции мы можем говорить о детях не как о пассивных фигурах, которые можно переместить из одного пространства в другое, а как об активных агентах транснациональных семейных практик. В выборе стратегии матери ориентируются на то, что для них важно: чтобы ребенок имел легальное положение в новой стране, чтобы ему было комфортно и безопасно в новом обществе. Когда мать понимает, что ребенок испытывает трудности, она может

принять решение о его отъезде на родину. Поэтому, даже если мы и говорим о стратегиях женщин в миграции, мы должны отказаться от дуальности (быть с ребенком в миграции или не быть). Интервью показывают, что из-за неуверенности в завтрашнем дне, отсутствия социальных программ для мигрантов, проблем, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни, семьи находятся в постоянном движении. Меняются локации членов семьи: дети могут долго оставаться на родине, потом родители могут привезти их в Россию, планируя долгосрочное пребывание, затем ситуация может измениться из-за разных обстоятельств, которые часто мигрант не может предвидеть заранее. Транснациональные семьи – к ним по итогам этого исследования мы можем отнести и семьи мигрантов из стран Средней Азии – живут в постоянном состоянии соприсутствия (*Sørensen, Vammen* 2014).

Примечания

¹ Я говорю о статусе женщин на момент интервью, так как у некоторых информанток он впоследствии изменился.

² Имена всех информанток изменены.

³ К сожалению, с обеими информантками я встречалась один раз и не знаю дальнейшей судьбы девочек. Но в то время, когда проводилось интервью, обе девочки уже год сидели дома с младшими детьми и планов у родителей отдать их в школу в России не было.

Источники и материалы

FIDH 2016 – Women and Children from Kyrgyzstan Affected by Migration. An Exacerbated Vulnerability [FIDH Report] // FIDH – International Federation for Human Rights. 2016. https://www.fidh.org/IMG/pdf/rapport_kyrgyzstan_uk-2-web2.pdf

Научная литература

Агаджанян В.С., Зотова Н.А. Миграция и риски ВИЧ-инфекции: женщины – выходцы из Средней Азии в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 1 (2). С. 85–109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i2.1818>

Борисова Е.В. Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 228–245.

Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Таргаковской. Самара: Самарский ун-т, 2003. С. 143–154.

Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.

Варшавская Е. Особенности занятых домашних работников: западный и отечественный опыт // Человек и труд. 2013. № 9. С. 25–29.

Деминцева Е.Б., Пешикова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597–598 (5–18 мая). <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>

Зайончковская Ж.А., Флоринская Ю.Ф., Доронина К.А., Полетаев Д.А. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605–606 (1–24 августа). <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php>

- Карачурина Л.Б.* Женщины-мигранты в нише домашнего труда в России // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 93–101.
- Омельченко Е.* Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018.
- Полетаев Д.В.* Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса / Отв. ред. В.С. Малахов, М.Е. Симон. М.: РСМД, 2016. С. 202–232.
- Рочева А.Л.* “Понаехали тут” в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 367–380.
- Кач О.* Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 137–188.
- Толстокорова А.В.* “Мама моет раму в Риме”: гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 393–408.
- Толстокорова А.В.* Украинская транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 43–64.
- Тюрюканова Е.В.* Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Åkesson L., Carling J., Drotbohm H.* Mobility, Moralities and Motherhood: Navigating the Contingencies of Cape Verdean Lives // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012. No. 38 (2). P. 237–260. <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2012.646420>
- Baldassar L., Merla L.* Transnational Families, Migration and the Circulation of Care: Understanding Mobility and Absence in Family Life. N.Y.: Routledge, 2014.
- Barglowski K., Pustulka P.* Tightening Early Childcare Choices – Gender and Social Class Inequalities Among Polish Mothers in Germany and the UK // Comparative Migration Studies. 2018. No. 6 (36). <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0102-6>
- Boyd M.* Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas // International Migration Review. 1989. No. 23 (3). P. 638–670. <https://doi.org/10.1177/019791838902300313>
- Brettell C.* Gender and Migration. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Bryceson D., Vuorela U.* Transnational Families in the Twenty-First Century // The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks / Eds. D. Bryceson, U. Vuorela. Oxford: Berg, 2002. P. 3–30.
- Castles S., Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. N.Y.: The Guilford Press, 2003.
- Cervantes A.G.* Transnational Motherhood // Wiley-Blackwell Encyclopedias in Social Science: The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies / Ed. C.L. Shehan. Hoboken: Wiley, 2016. P. 1–3. <https://doi.org/10.1002/9781119085621.wbefs091>
- Coyle A.* Resistance, Regulation and Rights: The Changing Status of Polish Women’s Migration and Work in the New Europe // European Journal of Women’s Studies. 2007. No. 14 (1). P. 37–50.

- Curran S., Shafer S., Donato K., Garip F.* Mapping Gender and Migration in Sociological Scholarship: Is It Segregation or Integration? // *International Migration Review*. 2006. No. 40. P. 199–223. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00008.x>
- Demintseva E.* Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. No. 43 (15). P. 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
- Demintseva E.* “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries Around and Inside School Space // *Race Ethnicity and Education*. 2020. No. 23 (4). P. 598–612. <https://doi.org/10.1080/13613324.2018.1538126>
- Dreby J.* Honor and Virtue: Mexican Parenting in the Transnational Context // *Gender & Society*. 2006. No. 20 (1). P. 32–59. <https://doi.org/10.1177/0891243205282660>
- Ducu V.* Romanian Transnational Families: Gender, Family Practices and Difference. L.: Palgrave Macmillan, 2018.
- Erel U.* Migrant Women Transforming Citizenship: Life-Stories from Britain and Germany. L.: Routledge, 2009.
- Gamburd M.* Milk Teeth and Jet Planes: Kin Relations in Families of Sri Lanka’s Transnational Domestic Servants // *City & Society*. 2008. No. 20. P. 5–31. <https://doi.org/10.1111/j.1548-744X.2008.00003.x>
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E.* “I’m Here, but I’m There”: The Meanings of Latina Transnational Motherhood // *Gender & Society*. 1997. No. 11 (5). P. 548–571. <https://doi.org/10.1177/089124397011005003>
- Kholmatova N.* Changing the Face of Labor Migration? The Feminization of Migration from Tajikistan to Russia // *Eurasia on the Move: Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region* / Eds. M. Laruelle, S. Caress. Washington: The George Washington University, 2018. P. 42–54.
- Kosmarskaya N., Savin I.* Everyday Nationalism in Russia in European Context: Moscow Residents’ Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration // *The New Russian Nationalism: Between Imperial and Ethnic* / Eds. P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 132–159.
- Leah W.V.* Migrant Mothers and the Ambivalence of Co-Ethnicity in Online Communities // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48 (7). P. 1747–1763. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1782180>
- Malakhov V.S., Simon M.E.* Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality // *International Migration*. 2018. No. 56 (3). P. 61–72. <https://doi.org/10.1111/imig.12402>
- Mazzucato V., Schans D.* Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological Challenges // *Journal of Marriage and the Family*. 2011. No. 73. P. 704–712. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00840.x>
- Menjívar C.* Fragmented Ties: Salvadoran Immigrant Networks in America. Berkeley: University of California Press, 2000.
- Olwig K.F.* The “Successful” Return: Caribbean Narratives of Migration, Family, and Gender // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2012. No. 4. P. 828–845.
- Parreñas R.S.* Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work. Stanford: Stanford University Press, 2001.
- Parreñas R.S.* Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Reeves M.* Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow // *Social Analysis*. 2015. No. 59 (4). P. 119–136. <https://doi.org/10.3167/sa.2015.590408>

- Rocheva A., Varshaver E.* Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // *Asia-Pacific Population Journal*. 2018. No. 32 (2). P. 87–135. <http://dx.doi.org/10.18356/e617261d-en>
- Ryan L.* Migrant Women, Social Networks and Motherhood: The Experiences of Irish Nurses in Britain // *Sociology*. 2007. No. 41 (2). P. 295–312. <https://doi.org/10.1177/0038038507074975>
- Ryazantsev S., Pismennaya E., Karabulatova I., Akramov S.* Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia // *Asian Social Science*. 2014. No. 10 (20). P. 174–183. <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v10n20p174>
- Sørensen N.N., Vammen M.* Who Cares? Transnational Families in Debates on Migration and Development // *New Diversities*. 2014. No. 16. P. 89–108.
- Tolstokorova A.V.* Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // *Anthropology of East Europe Review*. 2010. No. 28 (1). P. 184–214.

Research Article

Demintseva, E.B. Motherhood in Migration: Strategies of Migrant Women from Central Asia [Materinstvo v migratsii: strategii, vybiraemye zhenshchinami-migrantkami iz stran Srednei Azii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 1, pp. 102–122. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010074> EDN: PMOKYN ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Ekaterina Demintseva | <https://orcid.org/0000-0001-6402-5010> | edemintseva@hse.ru | National Research University Higher School of Economics (11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia)

Keywords

migrant women, motherhood, labor migration, Central Asia, Russia

Abstract

The article analyzes the migration experiences of mothers who leave Central Asian countries to work in Russia. Based on interviews, the article examines situations where women are forced to leave their children in the care of relatives at home, as well as those where they are able to bring their children to Russia. I conclude that the main problem for living together with children is not only the low earnings of migrants and the inability to rent separate housing at the beginning of life in Russia. An important factor is the limited access to social institutions, such as kindergartens, or problems with enrolling a migrant child in school. When planning life in another country with a child, it is also important for a woman whether she will be able to take care of her child with her irregular work schedule and ensure a safe stay for her child in Russia.

References

- Agadzhanian, V.C., and N.A. Zotova. 2014. Migratsiia i riski VICH-infektsii: zhenshchiny – vykhodtsy iz Srednei Azii v Rossiiskoi Federatsii [Migration and Risks of HIV Infection: Women from Central Asia in the Russian Federation]. *Demograficheskoe obozrenie* 1 (2): 85–109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i2.1818>
- Åkesson, L., J. Carling, and H. Drotbohm. 2012. Mobility, Moralities and

- Motherhood: Navigating the Contingencies of Cape Verdean Lives. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 38 (2): 237–260. <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2012.646420>
- Baldassar, L., and L. Merla. 2014. *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care: Understanding Mobility and Absence in Family Life*. New York: Routledge.
- Barglowski, K., and P. Pustulka. 2018. Tightening Early Childcare Choices – Gender and Social Class Inequalities Among Polish Mothers in Germany and the UK. *Comparative Migration Studies* 6 (36). <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0102-6>
- Borisova, E. 2016. Roditel'stvo na rasstoianii: transnatsional'nye praktiki v sem'iakh migrantov iz Tadjikistana [Parenthood at a Distance: Transnational Practices in Families of Migrants from Tajikistan]. *Antropologicheskii forum* 28: 228–245.
- Boyd, M. 1989. Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas. *International Migration Review* 23 (3): 638–670. <https://doi.org/10.1177/019791838902300313>
- Brednikova, O. 2003. Zhenskaia trudovaia migratsiia: smena gendernykh kontraktov? [Women's Labor Migration: Changing Gender Contracts?]. In *Gendernye otnosheniia v sovremennoi Rossii: issledovaniia 1990-kh godov* [Gender Relations in Contemporary Russia: Studies in the 1990s], edited by L.N. Popkova and I.N. Tartakovskaia, 143–154. Samara: Samarskii universitet.
- Brednikova, O., and O. Tkach. 2010. Dom dlia nomady [Nomad's House]. *Laboratorium* 3: 72–95.
- Brettell, C. 2016. *Gender and Migration*. Cambridge: Polity Press.
- Bryceson, D., and U. Vuorela. 2002. Transnational Families in the Twenty-First Century. In *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*, edited by D. Bryceson and U. Vuorela, 3–30. Oxford: Berg.
- Castles, S., and M.J. Miller. 2003. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York: The Guilford Press.
- Cervantes, A.G. 2016. Transnational Motherhood. In *Wiley-Blackwell Encyclopedias in Social Science: The Wiley Blackwell Encyclopedia of Family Studies*, edited by C.L. Shehan, 1–3. Hoboken: Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781119085621.wbef091>
- Coyle, A. 2007. Resistance, Regulation and Rights: The Changing Status of Polish Women's Migration and Work in the New Europe. *European Journal of Women's Studies* 14 (1): 37–50.
- Curran, S., S. Shafer, K. Donato, and F. Garip. 2006. Mapping Gender and Migration in Sociological Scholarship: Is It Segregation or Integration? *International Migration Review* 40: 199–223. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00008.x>
- Demintseva, E. 2017. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 43 (15): 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
- Demintseva, E. 2020. “Migrant Schools” and the “Children of Migrants”: Constructing Boundaries around and Inside School Space. *Race Ethnicity and Education* 23 (4): 598–612. <https://doi.org/10.1080/13613324.2018.1538126>
- Demintseva, E.B., and V.M. Peshkova. 2014. Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoscope Weekly* 597–598. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>
- Dreby, J. 2006. Honor and Virtue: Mexican Parenting in the Transnational Context. *Gender & Society* 20 (1): 32–59. <https://doi.org/10.1177/0891243205282660>
- Ducu, V. 2018. *Romanian Transnational Families: Gender, Family Practices and Difference*. London: Palgrave Macmillan.

- Erel, U. 2009. *Migrant Women Transforming Citizenship: Life-Stories from Britain and Germany*. London: Routledge.
- Gamburd, M. 2008. Milk Teeth and Jet Planes: Kin Relations in Families of Sri Lanka's Transnational Domestic Servants. *City & Society* 20: 5–31. <https://doi.org/10.1111/j.1548-744X.2008.00003.x>
- Hondagneu-Sotelo, P., and E. Avila. 1997. "I'm Here, but I'm There": The Meanings of Latina Transnational Motherhood. *Gender & Society* 11 (5): 548–571. <https://doi.org/10.1177/089124397011005003>
- Karachurina, L.B. 2015. Zhenshchiny-migranty v nische domashnego truda v Rossii [Migrant Women in the Niche of Domestic Work in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 5: 93–101.
- Kholmatova, N. 2018. Changing the Face of Labor Migration? The Feminization of Migration from Tajikistan to Russia. In *Eurasia on the Move: Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region*, edited by M. Laruelle and C. Schenk, 42–54. Washington: The George Washington University.
- Kosmarskaya, N., and I. Savin. 2016. Everyday Nationalism in Russia in European Context: Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration. In *The New Russian Nationalism: Between Imperial and Ethnic*, edited by P. Kolstø and H. Blakkisrud, 132–159. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Leah, W.V. 2022. Migrant Mothers and the Ambivalence of Co-Ethnicity in Online Communities. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 48 (7): 1747–1763. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1782180>
- Malakhov, V.S., and M.E. Simon. 2018. Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *International Migration* 56 (3): 61–72. <https://doi.org/10.1111/imig.12402>
- Mazzucato, V., and D. Schans. 2011. Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and the Family* 73: 704–712. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00840.x>
- Menjívar, C. 2000. *Fragmented Ties: Salvadoran Immigrant Networks in America*. Berkeley: University of California Press.
- Olwig, K.F. 2012. The "Successful" Return: Caribbean Narratives of Migration, Family, and Gender. *The Journal of the Royal Anthropological Institute* 4: 828–845.
- Omelchenko, E. 2018. *Integratsiia migrantov sredstvami obrazovaniia: rossiiskii i mirovoi opyt* [Integration of Migrants Through Education: Russian and World Experience]. Moscow: Etnosfera.
- Parreñas, R.S. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford: Stanford University Press.
- Parreñas, R.S. 2005. *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press.
- Poletaev, D.V. 2016. Feminizatsiia soobshchestv trudovykh migrantov iz Srednei Azii: novye sotsial'nye roli tadzhichek i kirgizok [Feminization of Communities of Labor Migrants from Central Asia: New Social Roles of Tajiks and Kyrgyz Women]. In *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviakh ekonomicheskogo krizisa* [Transnational Migrations and Modern States in the Context of the Economic Crisis], edited by V.S. Malakhov and M.E. Simon, 202–232. Moscow: RSMD.
- Reeves, M. 2015. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the "Feel of Law" in Migrant Moscow. *Social Analysis* 59 (4): 119–136. <https://doi.org/10.3167/sa.2015.590408>
- Rocheva, A., and E. Varshaver. 2018. Gender Dimension of Migration from Central

- Asia to the Russian Federation. *Asia-Pacific Population Journal* 32 (2): 87–135. <http://dx.doi.org/10.18356/e617261d-en>
- Rocheva, A.L. 2014. “Ponaekhali tut” v roddomakh Rossii: issledovanie rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve [“Come in Large Numbers Here” in Russian Maternity Hospitals: A Study of the Stratified Reproduction Regime on the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* 12 (3): 367–380.
- Ryan, L. 2007. Migrant Women, Social Networks and Motherhood: The Experiences of Irish Nurses in Britain. *Sociology* 41(2): 295–312. <https://doi.org/10.1177/0038038507074975>
- Ryazantsev, S., E. Pismennaya, I. Karabulatova, and S. Akramov. 2014. Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia. *Asian Social Science* 10 (20): 174–183. <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v10n20p174>
- Sørensen, N.N., and M. Vammen. 2014. Who Cares? Transnational Families in Debates on Migration and Development. *New Diversities* 16: 89–108.
- Tiuriukanova, E.V. 2011. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women Migrants from the CIS Countries in Russia]. Moscow: MAKS Press.
- Tkach, O. 2009. Uborshchitsa ili pomoshchnitsa? Variatsii gendernogo kontrakta v usloviakh kommertsializatsii byta [Cleaning Lady or Helper? Variations of the Gender Contract in the Context of the Commercialization of Everyday Life]. In *Novyi byt v sovremennoi Rossii: gendernye issledovaniia povsednevnosti* [New Life in Modern Russia: Gender Studies of Everyday Life], edited by E. Zdravomyslova, A. Rotkirkh, and A. Temkina, 137–188. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Tolstokorova, A. 2010. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine. *Anthropology of East Europe Review* 28 (1): 184–214.
- Tolstokorova, A. 2012. “Mama moet ramu v Rime”: gendernye aspekty transnatsional'nogo roditel'stva v Ukraine [“Mom Washes the Frame in Rome”: Gender Aspects of Transnational Parenthood in Ukraine]. *The Journal of Social Policy Studies* 10 (3): 393–408.
- Tolstokorova, A. 2013. Ukrainaskaia transnatsional'naia sem'ia kak modernizirovannaia model' semeinykh otnoshenii: panatseia, yad ili platsebo? [Ukrainian Transnational Family as a Modernized Model of Family Relations: Panacea, Poison or Placebo?]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 2: 43–64.
- Varshavskaia, E. 2013. Osobennosti zaniatykh domashnikh rabotnikov: zapadnyi i otechestvennyi opyt [Features of Employed Domestic Workers: Western and Domestic Experience]. *Chelovek i trud* 9: 25–29.
- Zaionchkovskaia, Z.A., Y.F. Florinskaia, K.A. Doronina, and D.A. Poletaev. 2014. Migranty glazami moskvichei [Migrants through the Eyes of Muscovites]. *Demoskop Weekly* 605–606 (1–24 August). <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php>